

«Апчхи! Ыааааа! Н-нет! С-спасите!» – подскочил Монтень, сильно размахивая руками.

Последнее, что он помнил – как их накрыло снежной лавиной и потащило куда-то вниз. Впрочем, сейчас всё вроде было в норме.

«Что это было? Неужто приснилось? Или, может, я уже умер?»

Он огляделся вокруг. Над головой по-прежнему смыкались кроны деревьев, которые росли так часто, что скрывали от глаз небо; на земле под ним было разостлано шерстяное одеяло. На небольшом отдалении потрескивал костёр. Когда же он осмотрелся в поисках экипировки, то обнаружил, что кольчуга аккуратно сложена рядом с его лежанкой.

«Непохоже, что я умер, но всё-таки...»

Чувствуя тяжесть в голове, граф помотал ей из стороны в сторону. Он никак не мог взять в толк, что же произошло.

«Вы уже очнулись?»

Граф обернулся к точке, откуда прозвучал голос. В ушах звенело, возможно, из-за того, что их ранее заложило снегом, поэтому звуки доносились не слишком чётко.

Глазам предстало взволнованное лицо Тибо. Судя по тому, как шевелились губы мужчины, тот говорил что-то ещё. Граф хотел было произнести что-нибудь в ответ, однако у него вдруг резко закружилась голова. Обхватив её руками, он снова повалился на одеяло и провалился в беспамятство.

Спустя какой-то срок граф вновь пришёл в себя. Естественно, сколько прошло времени, он уже ни малейшего понятия не имел.

Очнувшись, он услышал невнятное бормотание. Осторожно приоткрыв глаза, он увидел, как у костра сидят и ведут беседу несколько человек.

«Кхем! Так что тут всё-таки произошло?» – с трудом приподнявшись на одеяле, спросил граф.

Обнаружив, что он в сознании, люди сгрудились вокруг.

«Милорд, вы очнулись?»

«Как вы себя чувствуете? Всё в порядке?»

Граф наморщил лоб и кивнул. Немного знобило, однако иных отклонений от нормы он не чувствовал. Монтень осторожно поворачивал онемевшими суставами, но, к счастью, всё вроде бы было в порядке.

Он вновь окинул взглядом окрестности. Рядом находились Тибо и рыцари.

«Так что случилось? Нас же накрыло лавиной? Да, и вот ещё — где мы?»

Ответил один из воинов: «Когда нас смело снежными массами, то скинуло обратно в долину. И мы должны были либо задохнуться, погребённые под слоем снега, либо замёрзнуть до смерти. Так бы и случилось, не приди на помощь вон тот молодой рыцарь.»

И подчинённый ткнул рукой в сторону костра.

Огненный цветок рассыпал во все стороны искры, и издавал ощутимый треск. Находившееся по ту сторону костра лицо казалось нечётким, размытым. Черты его были расплывчатыми, но мужественными. Густая и длинная линия бровей. Золотисто-каштановые волосы, спутанные и неровно остриженные, очень хорошо гармонировали с голубыми глазами.

Граф почувствовал, как из груди выходит воздух. Сердце забилось так гулко, что стало тяжело дышать.

«Э-эдмон?.. Эдмон, это ты?» – выдавил он из себя сдавленным голосом, больше напоминавшим рыдание.

Эдмон?

Все местные рыцари знали это имя. Оно принадлежало старшему сыну графа Монтеня. Тому самому первенцу, умершему в результате болезни.

Тот был высоким и светлым юношей, а его золотисто-каштановые волосы были точь-в-точь как у графа. И если бы он не умер, то к этому моменту наверняка стал бы выдающимся молодым рыцарем.

Незнакомец сидел по ту сторону костра молча. И, если взглянуть в его лицо повнимательнее, можно было заметить довольно много отличий от облика того самого Эдмона.

Но что это? Исходящая от обоих аура действительно была в чём-то похожа! Рыцарей тоже, когда те впервые увидели молодого человека, поразила его схожесть с Эдмоном.

«Эдмон, неужто ты вернулся в мир живых?! Ты здесь, не оставил своего отца!»

Голос графа сильно дрожал. Его всё ещё не до конца отошедшее от шока после схода лавины сознание стало жертвой оптической иллюзии. А марево костра, за которым сидел незнакомец, делало картину ещё более нереальной.

Граф простёр руки в мольбе. Он настойчиво звал Эдмона, будто опасаясь, что тот отодвинется ещё дальше.

Рыцари придержали было графа, чтобы привести в чувство, однако тот вырвался. Он хотел оказаться рядом с сыном, даже если к нему придётся ползти по снегу. И вот Монтень снова утратил сознание. На этот раз по причине серьёзного потрясения. Но даже в бессознательном состоянии мужчина продолжал жалобно звать Эдмона.

В пику состоянию графа, молодой рыцарь выглядел даже слишком спокойным. Он не только не изменил позу, но и остался безмятежным, как свежавывающий снег.

Тибо непроизвольно поёжился. Он-то знал, кем на самом деле является молодой рыцарь. Охотник узнал его сразу, как увидел, потому что это был Широн.

Вот только тот изменил цвет волос, да и линия бровей выглядела не так, как раньше. Щёки тоже как будто стали чуть более округлыми.

Почему-то он казался совершенно другим человеком. Что это? Свет костра? Аура? Слишком уж по-другому он воспринимается!

Именно Широн дал Тибо указание заманить графа в эту долину. Это он предостерег его

остерегаться лавин. Уже в тот миг охотник понял – что-то должно произойти.

Когда Широн спас графа и рыцарей, Тибо решил, что тот хочет заслужить признательность феодала. И рассчитывает, что его облагодетельствуют в обмен за спасение жизни. Однако теперь Тибо сумел заглянуть чуть глубже в суть замысла Широна.

И чем сильнее он проникался, тем страшнее ему становилось. Чем больше узнавал, тем сильнее пробирал ужас. У кого хватит смелости заглянуть в душу Широна? Это же просто бескрайнее море ужаса!..

Даже в бессознательном состоянии граф продолжал бормотать какую-то ерунду. Похоже, ему снился кошмар.

«Эдмон! Н-нет... Не уходи, не бросай своего отца!»

Он вновь и вновь видел во сне, как умирает его старший сын. В этот момент рыцари осторожно вливали в рот графа тёплую воду и принимались растирать его конечности.

Щёки графа горели, по ним текли слёзы. Стоило Широну их увидеть, как ему вспомнился отец Рахмана – Аль Хуфу. Эмир Ноабской империи точно также умирал у него на груди. И испустил дух, непрерывно повторяя имя сына.

Видя состояние графа, он мысленно вернулся в те времена. И в нём пробудилось сочувствие.

Однако он не мог себе позволить помочь графу. Проявляя слабость, культ Кроноса не восстановишь. Тем более, что Широн больше не одинок. От него зависят жизни окружающих его людей. И если он оступится на этом подъёме, то в пропасть рухнут все.

Чтобы прийти в себя, Монтеню понадобилось много времени. Но вот, опираясь на меч обеими руками, он присел на пенёк. Рыцари сгрудились вокруг.

Первым делом граф тщательно изучил положение дел. При входе в долину, в отряде графа находились четырнадцать рыцарей, Тибо, трое солдат и шесть охотничьих собак. К этой минуте без вести пропавшими считались двое из рыцарей, а от солдат и животных не осталось вообще ни следа.

Тем не менее, данный исход все считали удачным. То, что попав под столь мощную лавину, удалось ограничиться лишь такими потерями, выглядело не иначе, как милостью Небес. К тому же, не прояви тот молодой рыцарь чудеса расторопности, потери оказались бы гораздо выше.

Граф почтил погибших минутой молчания. И, хоть ему было что предъявить Тибо, не стал этого делать. Другие рыцари также не бросали упреков в его сторону. Да и можно ли ставить человеку в вину действия стихии?

Затем граф подозвал спасшего всем жизни Широна. Пристально осмотрел его. Приятные черты лица, плотно сомкнутые губы, таинственно поблескивающие голубые глаза... Да, как ни крути, это не Эдмон. Но слишком уж схожи их ауры!

«Успей Эдмон возмужать, он выглядел бы примерно так, но... Эх, Эдмон! Сынок...» – вновь вспомнил сына граф и глаза его предательски заблестели.

После он мягко проговорил: «Прежде всего, спасибо тебе. Я – правитель провинции Павитон,

граф Монтень. А как твоё имя и чьим ты являешься рыцарем?»

Держа спину ровно, Широн сел напротив графа. Его поза была устойчива и неколебима.

Завидев это, рыцари не смогли сдержать вздох восхищения. Столь идеальная осанка не появляется в одночасье, она вырабатывается в ходе длительных тренировок. Так что молодой человек – на редкость усердный рыцарь!

«Моё имя Широн Веилс, двадцать семь лет. В венах моих от рождения течёт кровь тругельцев и галикцев. В юные годы я поступил пажом, а впоследствии оруженосцем к славному рыцарю Хоку из Тругеля. Рыцарское же звание получил шесть лет назад непосредственно от самого лорда Хока.»

«О! Вот оно как? Рыцарь Широн... сын Тругеля и Галика? К своему стыду и из-за редких выходов в свет, мне не доводилось прежде слышать имя лорда Хока. Однако, учитывая, что он сумел взрастить столь славного рыцаря, как ты, он должен быть весьма достойным человеком!» – и граф Монтень с восхищением хлопнул себя по колену.

Назвавшийся Широном рыцарь говорил спокойно, без запинки. И правила этикета явно были ему не чужды. Глаза сверкали умом, а также мужеством и верой.

«Так чем ты сейчас занимаешься? И как сумел прийти ко мне на помощь?»

«Приняв звание рыцаря, я отправился в паломничество, чтобы закалить тело и дух. Вот и сейчас я двинулся через хребет Павитон, по кратчайшему маршруту из Колома в Галик. Очевидно, Судьба вам благоволит. В противном случае я не смог бы оказаться здесь к моменту схода лавины.»

Граф вновь стукнул себе по колену. Надо сказать, это была его привычка. Однако в этот раз он не просто следовал ей — он был действительно рад.

«Вот оно что! Так ты вольный рыцарь! Это мне весьма кстати. Как смотришь на то, чтобы ненадолго остановиться у меня и попытаться стать рыцарем провинции Павитон?»

Но несмотря на предложение графа, лицо Широно осталось бесстрастным. Он не ответил отказом, но и заметной радости не выказал. Столь вялая реакция заставила графа переживать. Ему не хотелось, чтобы этот молодой рыцарь, так похожий на Эдмона, так просто от него ушёл.

«Я лишусь чести, если отправлю своего спасителя восвояси, не отблагодарив. Но это не значит, что я предлагаю тебе место рыцаря в качестве награды за спасение. Просто, видя твою молодость, я не могу не пожадничать, пожелав взять тебя к себе!»

Граф искренне высказал то, что было на сердце. И тогда Широн, наконец, легонько кивнул. Он поднялся со своего места, после чего опустился на одно колено и склонил голову.

«Трудно ответить отказом столь искренним словам. Да будет так. Именем наставника лорда Хока, с этого момента я, Широн Веилс, стану служить правителю Павитона, графу Монтеню...»

Услышав такую речь, граф громко и радостно рассмеялся. Однако последовавшая затем фраза немного его отрезвила.

«...Но только на три года. Я вольный рыцарь, поэтому давайте сразу договоримся, что по истечении этого срока вы меня отпустите. Если же за указанный период я хоть чем-то

запятнаю свою честь рыцаря, можете изгнать меня в любой момент. Я с готовностью приму это.»

На том и порешили. Три года – срок немалый. За это время можно так привязаться к месту, что и уходить не захочешь. А граф собирался сделать со своей стороны всё, чтобы Широн привязался к Павитону.

Прошла ещё одна ночь на холодной земле, и забрезжил рассвет дня нового.

Граф Монтень и рыцари поспешили выбраться из долины. Желание охотиться пропало без следа. Они похоронили в снегу товарищей, едва выжили сами и получили столько острых ощущений, сколько не даст ни одна охота. Тем не менее, нельзя сказать, что положительного результата они совсем уж не добились. Для Монтеня приобретение в лице Широ́на было гораздо важнее, чем так и не пойманный тигр. По пути домой, он то и дело украдкой поглядывал на молодого рыцаря.

Выяснилось, что у того, помимо прочего, имеется и талант к верховой езде. Чем дольше граф наблюдал за ним, тем больше тот ему нравился. В подсознании он то и дело сравнивал Широ́на со своим сыном Эдмо́ном. Теперь он даже не замечал между ними отличий. А точнее, просто не хотел замечать. Граф утвердился в своих мыслях.

«Негодник и есть Эдмон. Я же вижу, что мой сын вернулся к жизни! Шиш я куда тебя отпущу. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы тебя удержать!»

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680442>